

Князь Мамы и я
Книга третья

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Князь Тьмы и я

Елена Звездная

Князь Тьмы и я. Книга третья

«Автор»

2023

Звездная Е.

Князь Тьмы и я. Книга третья / Е. Звездная — «Автор»,
2023 — (Князь Тьмы и я)

Грандиозный финал серии «Князь Тьмы и я»! Каиль надеялась перехитрить судьбу, и ей это практически удалось. Всего-то стоило уничтожить того, кто обозвал себя странным псевдонимом «Твой шанс», разобраться с князем Мортемом, решившим, что такая жена нужна самому и разобраться с пророчеством, а упыри в целом оказались склонны верить в пророчества. И все бы ничего, но - улица, фонарь, аптека... вот и нету человека.

Елена Звездная

Князь Тьмы и я. Книга третья

До работы добиралась на общественном транспорте, потому что адски отвыкла от людского общества. Уже в метро сильно об этом пожалела, от некоторых запахов появилось ощущение, что в спешке купленный в кофейне завтрак сейчас меня покинет, но ничего, я сдержалась.

Уже перед самой работой заскочила к знакомому дантисту, он состоял в штате, проводил опознание сгоревших трупов по остаткам зубов, многого в своей жизни навидался, но вот с клыкастым полицейским имел дело впервые. Не знал бы меня лично – словил бы инфаркт, о чем прямо и сообщил, но он меня знал, так что вскоре я покинула стоматологический кабинет, языком ощупывая зубы, которые вновь стали нормальными и чувствуя себя просто великолепно.

А еще свободно.

Именно по этой причине я сняла очки, подаренные Дарканом, запихнула их в футляр, следом в сумку и радостно улыбнулась всему миру. Просто до этого старалась не улыбаться – клыки же. И очки не снимала, потому как вампиров с плохим зрением не существует, поэтому я перестраховалась.

Сейчас же...

«Нехилая жо...» – засияло над высоким чуть горбящемся темноволосым скромным парнем, обогнавшим меня, и обернувшегося с застенчивой улыбкой. – «Спереди тоже ничего» – вынес он окончательный вердикт, а потом взял и добавил: – Хорошо, что волосы собрала, сразу видно какой череп. Отличный череп. Если правильно обработать, подойдет для коллекции».

Я оторопела.

Парень, решив, что моя реакция обоснована его неотразимостью, подошел ко мне и самым дружеским и располагающим голосом произнес:

– Привет.

А тут до участка – пара шагов всего.

– И тебе, – проговорила я, закидывая рюкзак за спину и тем самым освобождая руки, – не хворать.

В следующее мгновение всю улицу огласил вопль

– Помогите!!!

На этом маньяк не остановился, и обозначил степень своей осведомленности в плане юридической стороны:

– Незаконное задержание! У вас нет оснований! Я требую своего адвоката! Вы не услышите от меня ни слова до приезда моего адвоката!

Да по барабану! Мне слышать и не нужно. Все что нужно я уже услышала, слава Валианту! Черепной маньяк! Это был мать его Черепной маньяк! Семь лет в розыске!

– Черт, да я просто счастлива, – заявила уроду, и поволокла его в полицейский участок.

* * *

Болевой захват, позволяющий вести преступника в полусогнутом положении, был лучшим изобретением правоохранительных коллег с незапамятных времен. При правильном подходе позволяет вести человека по четко заданному курсу, а я лично его отработала до совершенства, потому что – ну слабее я всех коллег, чего уж тут. Когда ты девушка весом примерно в пятьдесят кг плюс-минус десять, при чем в моем случае после всех измывательств вампир-

ской диеты скорее в минус, а захватить надо чела весом в девяносто-сто, хочешь не хочешь, но приходится оттачивать навыки до совершенства.

В отделение я дверь распахнула практически с ноги, кивнула дежурному и радостно сообщила ему:

– Сапкоф, оформляй Черепного маньяка!

Сапкоф обронил свою чашку с бурдой именуемой растворимым кофе, и сипло переспросил:

– Лейтенант Меттланд... Что?

Но перекрывая его вопрос, парень, выше меня головы на две, попытался вывернуться из захвата, чем заполучил новую порцию боли, и заорал:

– Что это за бред?! У вас нет доказательств!

– Есть, – кажется, мне нравится внаглую врать. Думаю, это неправильно, и в целом патология какая-то, явно следствие моего вампирского прошлого, но мне все равно нравилось. – Вы же сами, дословно, сообщили мне следующее: «Хорошо, что волосы собрала, сразу видно какой череп. Отличный череп. Если правильно обработать, подойдет для коллекции».

Арестованный застыл.

Затем, вывернув голову, прошипел:

– Я этого не говорил!

– Ничего не знаю, я своими ушами слышала! – тут конечно скорее своими глазами видела, но это уже детали.

– Серьезно? – взрычал маньяк и даже дернулся, но у меня навык был очень хорошо отточен, так что ему пришлось не сладко. – Ни один суд не поверит, что я сказал это полицейскому.

– Так я была не в форме, – напомнила идиоту. А затем, понизив голос, тихо добавила: – А до суда еще дожить надо, малыш... И поверь мне, как полицейскому, самое худшее порой может произойти и до тюремного заключения.

И тут на весь участок прозвучало:

– Лейтенант Меттланд!

– Капитан Айсвел! – я тоже реально обрадовалась.

– Адвоката... – уже абсолютно без надежды простонал маньяк.

Лейтенант Сапкоф уже взял себя в руки, чашку на стол, и спросил:

– Этого в допросную, или в камеру предварительного задержания? У нас, кстати, дивный улов был прошлой ночью – партия эков ломанулась из Орловки...

А там самые отбитые сидят, это всем известно.

– В камеру, – просияла человеческим оскалом я. – Нашему задержанному определенно не помешает посидеть там, подумать о жизни, испытать...эм... Сколько эти сидели?

– По десять лет каждый как минимум, – отчитался Сапков. – На интимной почве двинулись конкретно, кидаются на все что движется.

Пауза.

И вой моего задержанного:

– На допрос! На допрос! Я все скажу! Мне даже адвокат не нужен!

– А вот это вы зря, – добродушно обратился к нему капитан Айсвел, – адвокат по закону полагается всем. Сапков, в камеру его.

– Не-е-ет! – заверещал чувак, когда его уволокли полицейские.

Да, добродушным Айсвел был, только если выпьет, а сейчас утро.

– Мэттланд, – капитан сгреб меня в отеческие объятия, сдавил до хруста в ребрах, – не думал, что выберешься живой. И даже не надеялся увидеть.

– Все хорошо, кэп, – заверила его, – я снова в строю! Вы ведь меня, я надеюсь, не уволили?

Надеялась зря.

Они меня уже успели уволить. И формулировка увольнения была просто атасная – посмертно.

* * *

– Сволочи, – негодовала я в кадровом отделе, корябая новое заявление о приеме на работу.

– Каиль, деточка, да кто же знал, – пыталась выкрутиться координатор отдела кадров.

– Гады! – я им даже преступника уже поймать успела, а они.

И тут над главой кадрового отдела засияло «Не забыть отменить заказ на надгробный памятник».

Да чтоб вас!

– И где вы меня похоронить успели? – прорычала почти.

– Так на вашем семейном кладбище, рядом с бабушкой, – торопливо сказала Эсворд. Вот блин!

– И кого вы там захоронили? – надеюсь хоть не безымянный труп какой-то.

– По протоколу V-6, – ответила Эсворд.

И посмотрела на меня так, что сходу стало ясно – ждет хоть каких-то пояснений. Протокол V-6 буквально означал – пропавшие без вести после столкновения с вампирами. Такие обычно не то чтобы не обнаруживались – исчезали даже их останки. Так что гроб был пуст.

– Что ж, теперь у меня имеется личное забронированное место на кладбище, – решила я обнаружить хоть что-то позитивное во всей этой ситуации.

А ситуация и вправду была позитивной! Даже зашибенной! Я выжила! Я не просто выжила, я свободна! Я...

– На какие дни недели тебя записать к мозгоправу? – деловым тоном спросила Эсворд.

Да что ж такое то? Да, по правилам мне после пережитого требовалось пройти курс психотерапии, но не сейчас же!

– Слушай, я выбралась из такого, что и врагу не пожелаешь, – подписывая заявление о возвращении на пост, ответила ей. – Давай через пару недель, я...

– Значит сегодня, – вынесла неумолимый вердикт Эсворд.

А чтоб тебя!

И я вышла из отдела кадров.

В коридоре было пыльно, неприбранно, валялись бумаги, кое-где были оставлены пустые бумажные стаканчики из-под кофе и чая, но я... черт, я была счастлива! От счастья вдохнула полной грудью воздух свободы, и в итоге кашляя как чахоточная, добрела до своего кабинета, пугая всех встречных. Зато рассказывать, что и как со мной было никому не пришлось. Все этому не очень образовались, зато я в итоге надрывно кашляла уже чисто из принципа.

В моем кабинете было, на удивление, чисто. Я даже удивилась.

Никакой пыли, коробки из-под пиццы убрали, а раньше самой выносить приходилось, уборщица у нас склочная, проще самой в общем, но сейчас... Может, готовили кабинет для нового лейтенанта, решив, что уже имеющегося схмячили вампиры?

А не схмячили, вот! Я вернулась.

И закинув куртку в шкаф, я сняла с вешалки мундир, церемонно набросила его на спинку стула, нацепила свой пропуск на карман рубашки, значок на ремень брюк, и села. Размяв руки, включила комп и вбила свое имя и пароль.

Допуск мне сохранили!

– Алилуя! – провозгласила я, и перешла к работе.

Большинство текущих дел было закрыто благодаря моей выходке в роли княгини Даркан. И прости меня, Навьен, но если и были какие-то остатки стыда там, мук совести и прочего

– их не осталось. Вообще никаких. Были лишь сожаления о том, что подобное не удалось провернуть раньше, потому что погибших было много. Слишком много.

А потом я переключилась на статистику за прошедший месяц и... чуть с кресла не рухнула. По коду «V» преступлений не было. Ни единого! Вообще.

<!—nextpage—>

Стандартные убийства, убийства на бытовой почве, маньяки как и всегда, но везде – человеческий фактор. Никаких вампирских преступлений, абсолютно никаких.

Выглядело как какое-то невероятное чудо, но я не из тех, кто перестанет копать, наткнувшись на скалу под слоем земли.

Переключившись на новостные каналы, я увидела то, что вообще не порадовало – они его приняли. Этот проклятый закон о декриминализации вампирского насилия... президент его подписал. Парламент поддержал. Все попытки активистов противостоять происходящему закончились уголовными делами для тех, кто пытался хоть как-то защитить жертв насилия. Забавно – те, кто пытался помочь, получили уголовные сроки, а те кто избивал, калечил, и насиловал – минимальные штрафы и административную ответственность.

Как это вообще могло стать реальностью?! Как?

Два раза постучав в дверь, капитан Айсвел вошел, неловко неся сразу две чашки с кофе. Я даже не поблагодарила, взяв свою, и не заметила, что напиток слишком горячий, чтобы его сразу пить... Обожглась, но все что я ощущала сейчас – горечь.

– Как? – тихо спросила кэпа.

Он сходу понял, о чем я.

– Статья «Побои» была удалена из Уголовного кодекса, – Айсвел с трудом опустился на стул возле моего стола.

– Именно... побои?

– Да, – Айсвел попытался хлебнуть бурды, которую мы называл кофием, – сначала шло обсуждение о декриминализации причинения вреда по неосторожности, но... вампиры настаивали на максимально радикальном варианте. Так что... как-то вот так.

Я как сидела, так и осталась сидеть.

– И как нам теперь действовать? Каков порядок действий по протоколу? Что мы вообще можем?

Кэп посмотрел на меня мутными светло голубыми глазами, сплошь покрытыми красными сосудами, недвусмысленно свидетельствующими о том, что пить Айсвел стал еще больше, чем прежде. Да и сейчас уже трезв не был. А потому ответил предельно честно:

– Лейтенант, мы в такой глубокой зад... – продолжать он не стал, но и так было ясно, что хотел сказать. – Ситуация паршивая. Вопрос о вампирском насилии просто исчез из повестки. Никаких пояснений, никаких разъяснений – вот было насилие, а вот вам закон и его больше нет. Мы больше не можем ничего. Инстанции, занимающиеся пострадавшими от вампиров – были ликвидированы. Наши штатные психологи, работающие с жертвами вампирского насилия... их штат вроде как для начала сократили, но затем ликвидировали полностью. наших спецов по работе с посттравматическим синдромом я сохранил. Не скажу, что мне это далось просто, но надавил на пару чиновников, влез в не самую лучшую историю, но главное, что дело выгорело. Так что не удивляйся поступку Эсворд – по бумагам мы стараемся максимально загрузить штатных мозгоправов, на деле... используем, как можем.

– А как мы можем? И что мы теперь вообще можем? – невысказанным осталось «Как жить?».

Айсвел вздохнул, и пояснил:

– Основная проблема – дежурная часть. Парни торчат на антидепрессантах и все равно не справляются. Сложно справиться с эмоциями, когда подвергшаяся насилию девушка приносит заявление, а ты, полицейский, вынужден сделать все, чтобы его не принять.

– Почему? – я была в таком шоке, по сравнению с которым грубое выражение кэпа вообще было ни о чем.

– Потому что, лейтенант Мэттланд, в отличие от жертв, которые еще надеются на справедливость и защиту, мы прекрасно знаем – обращаться в полицию для них попросту опасно. Как только заявление оказывается в базе – агрессор получает уведомление от ВСБ. И в лучшем случае после этого жертва придет забрать заявление, в худшем... больше никогда не придет. Придут родственники, подать заявление о пропаже без вести.

Помолчав, Айсвел спросил:

– Помнишь Вестекса?

– Парнишка такой, молодой, в дежурке сидел, – припомнила я.

– На двух дозах успокоительных сидел... и все равно застрелился неделю назад. Не выдержал.

Я поняла, что просто не могу все это больше слушать. Я не могу. Я так не могу! Я...

– Сходи к мозгоправу, у антидепрессантов только один недостаток – действовать начинают не сразу, обычно эффект через пару недель проявляется. Так что... не тяни.

Поняла, что действительно не стоит.

– А что жертвы? – тихо спросила.

– С ними сложно, – Айсвел не скрываясь, достал из внутреннего кармана компактную бутылку виски, щедро залил в свою чашку, и только отхлебнув, продолжил. – Ты же знаешь, приходят не все. По статистике подвергшиеся насилию обращаются в полицию лишь в пятнадцати процентах случаев. Если же агрессор вампир – все еще хуже, смелости и храбрости хватает максимум у пяти процентов пострадавших. И состояние тех, кто переступил через страх и пришел... Сама понимаешь. Парни в дежурной части стараются вести себя максимально отстраненно, вообще делают все, чтобы не принимать заявление, но... там же совсем отчаявшиеся люди, показная апатия и безразличие полицейских останавливают не всех. К сожалению, все попытки перенаправить пострадавших к психологам, воспринимаются жертвами как стремление заткнуть им рот, или замаять ситуацию. А мы просто стараемся помочь, но даже не имеем права сказать об этом.

– У меня слов нет, – прошептала я.

– Ни у кого нет, – Айсвел пожал плечами, и выпил все из своей чашки. – Если удалось отговорить жертву от подачи заявления – это уже успех. Если жертву удалось довести до психолога – вообще шикарно. Но это наш максимум.

– А кризисные центры? – спросила, уже сильно подозревая, что услышу в ответ.

– Закрыты, – озвучил худшее Айсвел.

Тяжело вздохнул, и продолжил:

– Вампиры и раньше... ну ты сама знаешь. Нам на многое приходилось закрывать глаза, на слишком многое. Но после закона о декриминализации кровососы вообще берега потеряли. Раньше государство было на их стороне негласно, а теперь... теперь закон на их стороне. И они поняли, что можно не просто продолжать, можно вообще выйти за рамки, позволить себе больше, чем раньше.

Не сразу поняла, что стон, огласивший мой кабинет, это мой стон. Мой полный отчаяния и безнадежности стон. И раньше было сложно, очень сложно... а теперь...

– Кэп, как жить теперь? – тихо спросила я.

– Ты меня спрашиваешь? – усмехнулся Айсвел. – Я вот к тебе с тем же вопросом пришел. Ты же как-то живешь, после вампира.

Я подняла взгляд на кэпа, кэп молча смотрел на меня. И стало ясно, что он с другим вообще вопросом пришел, просто не знает, как его задать.

– Говорите прямо, – сказала ему.

Он достал бутылку, опустошенную наполовину, хлебнул из горла, посмотрел на меня, хлебнул еще раз. И сказал то, что в принципе может и было логично, но я вообще не ожидала.

– Каиль, раз говоришь сказать прямо, я скажу, – он допил из бутылки, и пустую швырнул в мусорную корзину. – Ты знаешь вампиров, – продолжил, вообще не глядя на меня. – И знаешь о... последствиях. Тебе, возможно, сейчас не больно – вампирские укусы порой сродни сильному обезболивающему, так что ты можешь не ощущать внутренних повреждений. Но они есть. Я тебе по своему опыту говорю – внутренние разрывы после... контактов с кровососами остаются всегда. Ты выжила, я рад, очень. Но я не хочу видеть, как ты медленно угаснешь от внутренней кровопотери. Съезди к гинекологу, сейчас. Я позвонил старому другу, адрес скинул тебе в сообщения. Проверься. Не воспринимай это как что-то унижительное, просто... я переживаю, и не без оснований.

И тут мне пришлось сказать:

– Ничего не было.

Айсвел вытаращился на меня так, как на природную аномалию, и переспросил:

– В каком смысле?!

Подышав немного, для успокоения, я процедила:

– Кэп, внутренних повреждений нет. На этом тему закрыли.

– То есть?! – тему закрывать начальство, похоже, не горело желанием. – То есть ты не пострадала?

Проблема была в том, что я... я пострадала. Это что-то вроде – Вас пытались изнасиловать, но изнасилования не было? Ну, нету тела, нету дела – примерно так выглядела вся эта ситуация. А тот факт, что я от боли тупыми осколками пластикового зеркала себя резала, чтобы хоть частично заместить душевную боль болью физической – это так, мелочи.

– Я в норме, кэп. Спасибо, за беспокойство.

И тут Айсвел тихо произнес:

– Ты не в норме, лейтенант. Тебе хреново.

– Могло быть и хуже, – пробормотала я.

А могло бы и не быть, но это уже из области фантастики, счастливой и безоблачной жизни и вообще не про меня, к сожалению.

– Сходи к мозгоправу, – поднимаясь, практически приказал капитан.

Молча кивнула, не став ничего отвечать.

Когда Айсвел ушел, встала, прошлась по кабинету, пару раз отжалась от стены, подумала, что может стоило снять очки при капитане... потом поняла, что не горю желанием знать все, что он обо мне думает.

Постояла у стены, упираясь обеими ладонями, подумала о жизни. Нужно было восстанавливать утерянное, телефон новый купить, счета оплатить, еды какой-нибудь домой... Но телефон был важнее.

Вернулась за комп, выбрала модель попроще, на другую денег особо не было, но Эсворд прислала сообщение, что зарплату мне переведут сегодня, это вот радовало. Сделала заказ телефона с доставкой.

И тут на комп пришло сообщение: «Мэттланд, спустись вниз. Дело Черепа».

Чувство принадлежности к обществу, жизни и реальности вернулось в полной мере. С самой коварной ухмылкой сняла очки. Захватила блокнот и ручку. Значок полицейского закрепила на кармане рубашки.

И пошла вести допрос.

* * *

«Твоя красота – всего лишь форма твоего черепа.

И я повелся на неё, и был полным дураком, пока верил ей.
Нас привлекает мышечная ткань, кости, молочные железы.
Все те детали, что красиво сделаны, но сделаны без души».

В допросной было мрачно, напряженно и тихо – для всех, кроме меня и маньяка. Приятный на вид вполне невинный парень, из тех, глядя на которых думаешь «и мухи не обидит», сидел и напевал песню. Он ее постоянно напевал. Иногда попса действует на некоторых индивидов натуральным мотиватором.

– Имя Энита Чейд вам знакомо? – допрос вел сержант Нактон.

Мы часто работали с ним вместе, и сейчас сержанта гораздо больше интересовало как там все у меня было, как мне удалось вернуться и даже как я в целом выжила, чем допрос маньяка. Но я обнаружила, что если смотреть на допрашиваемого, мысли сержанта не видны, и меня это вполне устраивало.

– Повторяю, – Нактон пытался сдерживаться, но в этом деле пострадала дочь его знакомого, так что по идее его вообще должны были отстранить от расследования, но Айсвел закрыл глаза на протокол, – имя Энита Чейд вам знакомо?

Подозреваемый молчал.

Выглядел при этом невозмутимым.

И что самое паршивое – невозмутимым и был. Он пел. Про себя, мысленно, тупо пел песенку.

«Твоя красота всего лишь форма твоего черепа.

И он похож на черепа, которые нам в клипах крутят по телеку.

Его приятно сохранить, как на приз на него смотреть вечером.

И им приятно обладать, но любить в нем по-прежнему нечего».

То есть перед нами был типичный социопат – никаких сожалений, никаких терзаний совести, никаких эмоций. Коллекционер хренов, он из них коллекцию собирал.

И я решила зайти с этой стороны.

– Крутая коллекция получилась?

Парень даже не посмотрел на меня, но над ним засияло: «Единственная в своем роде. Аналогов нет».

И он этим реально гордился. Ненавижу таких психов. От них не добьешься ни раскаяния, ни осознания того, что они совершили. А еще больше всего бесит, что с ними приходится говорить на их же языке, и так все семь-двенадцать часов допроса. Иначе не работало. И следакам приходилось пахать на износ. И по идее, мне надо было бы выждать еще часа четыре, а лучше реально семь, так проще было вывести человека на разговор, хотя с социопатами не всегда работало, а у меня на сегодня еще планы были.

Так что, перешла сразу к делу:

– В любом случае коллекция у Серского маньяка повнушительнее, там сколько черепов было? Сержант, не помнишь?

Над Нактоном высветилась: «Какой еще Серский маньяк? Мэттланд надо бы к мозгоправу сходить, подлечиться».

Но наши своих в деле допроса не бросают.

– Ммм, дай-ка припомнить, – пробубнил сержант.

И тут над маньяком высветилось «Мужик-легавый блефует, девку прочитать не могу... но череп зачетный».

Зачетный, да, я тебе больше сказала бы – даже вампиры заценили.

– Сорок пять, кажется, – протянула я задумчиво. И добавила: – Нактон, ты точно не вспомнишь, это дело вел Маер.

– Ааа, – протянул сержант, и успокоился – я много с Маером работала, так что Нактон решил, что возможно такое дело реально было.

И повел себя куда более естественно, что мгновенно отразилось на подозреваемом.

«Ну нахрен! У меня всего двадцать семь! Но я лучший! Я единственный! У меня лучшая коллекция!»

– Двадцать семь у тебя всего, слабак ты, – с деланным равнодушием протянула я. – Вот Серский маньяк там да, там реально масштабная коллекция. И все черепа в идеальном состоянии! Реально, в анатомических лабораториях и то хуже обрабатывают, не говоря о хранении.

Маньяк напрягся.

Внешне это выразилось лишь в напряженном взгляде направленном на меня, кажется, мой череп наконец-то стал интересовать его меньше, чем мои же мыслительные процессы, и сбой выразился в надменном:

«Никто не сможет обработать череп лучше, чем в анатомической лаборатории. Без спецсредств это нереально. Процесс вываривания сложен. Сохранить целостность и цвет костей – дано лишь гениям».

И тут иероглифы над его головой, которые в моем сознании невероятным образом складывались в слова, на этот раз сложились в картинку. Я отчетливо увидела улицу, прочла адрес на здании, затем увидела вход в хранилище... Хранилище, которое оборудовали и скрыли. Маньяк поработал и архитектором и строителем и устройте, чтоб его! Черт, я же уже проводила там обыск с Маером и его командой. Мы там уже были и ничего не нашли.

И этого чувака я тоже знаю – обычный лаборант, тихий, неприметный, типичный ботаник. В прошлый раз его допрашивал Маер. Черт! Мы его упустили! Мы его тупо в прошлый раз упустили!

Я схватила рацию, набрала код выездной бригады и сообщила:

– Парковая семь, дробь двенадцать. Здание городского музея естествознания. Лаборатория шесть, сместить вправо инсталляцию с черепом неандертальца, там скрытый вход. Код «98831». На выезд. Ордер на обыск уже в базе, нет смысла запрашивать новый.

У ботаника задергался глаз. Один, левый, но очень заметно.

«Как?!» – сияло над ним.

А потом Масан Хатвер, это было его настоящим именем, бросил взгляд на настенные часы и мгновенно успокоился. Более чем успокоился – он даже песенку напевать начал, про себя, но я-то все равно видела.

И глянув на часы следом, ощутила неприятный холодок по спине – с момента задержания прошло три часа... Обычно, именно этого промежутка времени вампирам хватает, чтобы понять, что у их подопечных возникли проблемы с законом.

Дверь распахнулась без стука.

Вошел вампир, безупречный и элегантный, в строгом деловом сшитом явно на заказ костюме, потому как сидел он на нем безукоризненно. Безукоризненными были перчатки, очки в серебристо-черной оправе и стильный дипломат, который вампир даже не собирался открывать. Все что он сделал, это достал из кармана визитку, швырнул ее на стол так, чтобы та, проскользив по гладкой поверхности, развернулась и остановилась прямо перед сержантом Нактоном, и с ленцой, брезгливостью и нескрываемым по отношению к нам отвращением, сообщил:

– Господин Масан Хатвер состоит в штате ВСБ, спецотдел исследования человеческой расы. Отзовите отряд задержания. Так же я требую принесения извинений моему клиенту, за грубое обращение при задержании, а так же помещение господина Хатвера в камеру с уголо...

И тут вампир запнулся.

На моей до Даркановой памяти, с вампирами подобное происходило впервые, поэтому я даже перестала пытаться найти разницу между тем, что он произносил и что мелькало у него

над идеальной прической, и поняла, что взирает вамп-адвокат конкретно на меня. А еще что бледнеет он. Причем стремительно.

А дальше у всех присутствующих, включая меня, случился шок.

– Княгиня, – дрогнувшим голосом произнес вампир, и склонился в пояском поклоне.

Нактон уставился на меня. Маньяк-ботаник тоже.

– Ну, вообще-то больше не княгиня... – неловко пробормотала я.

«Если бы!» – мелькнуло над вампиром.

И вот тут уже шокировалась я.

А потом и маньяк.

– Оказание сопротивления княгине карается смертью, господин Хатвер.

И вампир выпрямился, в упор глядя на маньяка, но старательно не глядя на меня.

– Интересы княгини в приоритете. По завершению расследования человеческой полицией и вашего срока тюремного задержания, вы будете казнены в соответствии с законами нашей организации.

Затем снова поклон, и напряженное:

– Приношу свои глубочайшие извинения, княгиня Даркан. Вы позволите мне откланяться?

Охреневшая я, только и смогла что ответить:

– Дда...

Вампир выпрямился, снова поклонился, и в позе полупоклона добавил:

– Вероятно, я должен поставить вас в известность, что прикосновение к вам любого члена нашей организации или же представителя расы, так же карается смертью. Благодарю за ваше милосердие.

И он, опять поклонившись, вышел.

– Черт! – выругалась я, едва дверь за вампирским адвокатом закрылась.

Кстати закрыли ее не в пример осторожнее, чем открывали.

– Не, это был вампир, – подсказал Нактон.

– Да я в курсе, – мрачно сложила руки на груди.

И настроение становилось все мрачнее с каждой секундой. Теоретически имелся шанс того, что вампирский адвокат... надо бы имя его глянуть, ошибся. И надежда, по сути, была именно на это. Потому что если то, что он сказал правда... никакая это не свобода, мне просто сменили поводок с короткого на более длинный.

– Мне конец, – безнадежно озвучил маньяк.

– И не надейся, урод, смерть еще нужно заслужить, а тебя ждет самая убойная тюрьма, уж я об этом позабочусь! – высказала, стремительно поднимаясь. – Сержант, одолжи телефон, пожалуйста.

Мне молча протянули сильно замусоленный гаджет.

Быстро покинув комнату для допроса, я вышла в коридор, привалилась спиной к холодной стене, и набрала знакомый номер.

Два гудка, и на том конце ответили:

– Приветствую вас, княгиня.

Черт!

Это не могло быть правдой. Это просто не могло быть правдой! Он же сказал, что все закончено...

– Лорд Стормс, как вы узнали, что это я? – спросила, стараясь не трястись и перестать дрожать.

Вот только трясло меня все сильнее.

– Ну, собственного телефона у вас еще нет, вы воспользовались телефоном сержанта Нактона. Сам он мне бы не позвонил, так что вывод был очевиден, – обстоятельно ответил глава ВСБ.

Я медленно сползла по стене вниз, отказываясь верить в происходящее. Просто отказываясь.

– Вы бы встали, княгиня, пол холодный, – произнес лорд Сторс.

Запрокинув голову, я сдержала горький смех, из тех который сквозь слезы, и произнесла очевидное:

– Ммм, у вас доступ к камерам видеонаблюдения... что б вас!

Молчание.

Затем тихое:

– У вампиров нет разводов, княгиня. Есть только два варианта – супруг выносит решение о вашей казни, или же вы погружаетесь в спячку, так же если на то будет согласие вашего супруга.

Господи, за что мне все это?

– То есть даже права на смерть у меня нет? – спросила, стараясь не завывать.

Сторс ответил:

– Да.

И я прервала звонок.

Мой горький смех в пустом коридоре прозвучал жутко.

А я думала как он там, без меня... Переживала... За гребанного вампира переживала, кому сказать – хрен поверят! Сама бы не поверила. Мне перед ним даже стыдно было, за практически предательство в Изнанке... Еще удивлялась, как ему хватило сил меня отпустить, если я для него была так важна, как он говорил...

А никак!

Но он же четко сказал «Я отпускаю тебя»... И так если подумать – он, ведь, не лгал мне никогда.

И я мысленно повторила сказанное им: «Со своей стороны обещаю, что без твоей личной просьбы, не стану преследовать тебя, не буду вмешиваться в твою жизнь и искать встреч. Иди, ты свободна».

Даркан не лгал и не притворялся. Вряд ли в принципе он когда-либо занимался подобным, ему этого не требовалось, на его стороне всегда были сила и власть, так что...

И если так подумать, Сторс ни слова не сказал о том, что это было распоряжением Даркана, как впрочем, и вампир-адвокат. Речь по факту шла о законах и традициях вампирского общества, но если кто-то и мог на них наплевать, то это сам Даркан. Он и плевал, причем уже неоднократно. Так может... я зря себя накручиваю?

Поднявшись, вытерла остатки слез, вернулась в допросную, без слов вернула телефон Нактону, и пошла к себе.

* * *

До своего кабинета не дошла – меня возле дежурки перехватил Сапков, и старательно пряча взгляд, спросил не могу ли я его подменить на пару часиков в дежурке. Над его головой отчетливо сверкало «Только бы согласилась...», ну и я поняла, что меня собираются подставить. Основательно так и конкретно. И даже о причинах догадывалась – рация была у меня в руках, когда вампир-адвокат вошел, так что и оперативная группа все слышала и дежурный офицер. И в общем... А почему бы и нет.

– С тебя пицца, – сказала я.

«И все?!» – ошарашено подумал он.

Вслух произнес:

– Ну, лады, захвачу, уговорила.

Типа он мне одолжение сделал.

* * *

Последний раз я сидела в дежурке, когда практику проходила, но основные этапы запомнила. Главное, по факту, было расписаться о приеме заявления. При этом следовало правильно оформить заявление, и в обязательном порядке указать дату и время получения, а так же свою должность, инициалы, фамилию и заверить все своей же подписью. И так трижды. Потому как еще нужно было оформить талон, состоящий из двух частей – самого талона и отрывного корешка, который отдавался заявителю. В талоне указывались сведения о заявителе, краткое содержание заявления о преступлении, или об административном правонарушении, или о происшествии, в зависимости от произошедшего, затем регистрационный номер, подпись оперативного дежурного, его принявшего, дата и время приема.

Сапков, потоптавшись перед дежурной частью, так никуда и не ушел. Вообще охамев, он вернулся, сдвинул меня с места, и стал не только принимать заявления, но и подсовывать мне на подпись те, которые получил ранее и, скажем так, «забыл» оформить. Даже возражать не стала, решительно указывая свое звание, имя, фамилию, и оставляя подпись.

Через час рука заболела, но я не останавливалась.

Через два ныло все до плеча, еще мне телефон доставили, но я его даже распаковать не успела.

Через три в отделение заявился сотрудник ВСБ.

Кровос взбеженной наружности рванул было к отделенному стеклом и решеткой окошку для заявителей и застыл, напряженно глядя на меня.

Наших в дежурку заглянуло – весь отдел прямо.

А вампир постоял, поглядел на меня еще с минуту, причем этот древний был, у него даже челюсть начала трансформироваться от бешенства, но в итоге склонился в поклоне, затем развернулся и ушел, хлопнув дверью так, что... короче не осталось ничего от двери.

Но капитан даже ремонтников вызвать не успел – приехала бригада вампиров и у нас шустро появилась новая супер современная и явно адски дорогая дверь.

И на этом они не остановились – через полчаса после первой бригады приехала вторая. Нам заменили стену, добавили железобетонных блоков и стальную прослойку. Все стекла в окнах заменили на пуленепробиваемые. А после еще и завезли партию бронежилетов... женских. Моего размера. Двести штук.

На меня теперь все в отделении смотрели так, как в последний раз на патрульного Обера, который умудрился за вождение в нетрезвом виде арестовать одного из приближенных к президенту чиновника. Еще и избил его по пути, оформив побои как «задержанный споткнулся и несколько раз упал». Мы тогда этого патрульного старой закалки прикрывали не просто всем отделом, мы ему через Соппротивление выезд из страны организовали, хотя Айсвел для виду поорал, конечно. На меня никто не орал.

На меня только смотрели и... да жалели они меня. И причина на то была – от правительства сбежать можно было, а вот от вампиров хрен сбежишь.

– Слушай, – Сапкоф уже везде ставил мое имя не стесняясь, только на подпись отдавал, – у меня друг в... ну сама знаешь где. Может...

Не может... Никак. Я ставила подписи и думала лишь об одном – если я хочу избавиться от всех кровососов, мне нужно вернуться в Изнанку, найти шефа, который мне за пару дней как родной стал, и искать способ загнать всех вампиров в эту самую Изнанку. Подальше отсюда. Как можно дальше.

А потом к нам приехал паренек из соседнего полицейского участка и аккуратненько подсунил дежурному стопку заявлений. И там уже было мое имя, и должность, только подписи не хватало...

– С меня пицца, – внаглую пообещал Сапкоф.

– Очередная? – съязвила я.

– А, точно, забыл. Вектон, смотайся за пиццей.

И тут мне назло вспомнилось, как доктор Савадж ела принесенную ей пиццу прямо рядом с трупом...

– Нет, не надо! – заорала почти. – Только не пиццу!

Парни моей истерики явно не поняли, а я сделала вид что ничего не было, и продолжила ставить подписи. Такая наша служба – и опасна, и трудна, и бумажной работы в ней дохрена.

* * *

Моя рабочая смена заканчивалась в шесть вечера, но я проторчала в участке до десяти, в итоге дав добро ставить мою подпись кому вздумается и где вздумается.

По дороге домой сначала зашла в аптеку и купила наручный манжет, который используется обычно при растяжении связок, но моему опухшему запястью было самое то. Затарилась обезболивающими. С трудом нашла ближайшее круглосуточное отделение сотовой связи, на такси смоталась, вернула себе прежний номер и наконец, была с телефоном. На пути домой поняла, что отключаюсь прямо в такси, а еще надо было еды купить.

На кассе в круглосуточном супермаркете была очередь. Так что я едва зашла, поняла, что на шопинг у меня часа полтора свободно, и еще не факт что к этому времени очередь рассосется. Желание было побиться головой о ближайший прилавок.

И тут телефон зазвонил.

Я ответила, не глядя, уже просто на автомате передвигаясь, и вздрогнула услышав:

– Грэй ждет тебя на улице, выходи.

И сонливость и усталость исчезли мгновенно. Гулко сглотнув, я хрипло спросила:

– Что, игра в доброго вампира уже закончилась?

Тишина, а затем откровенно разъяренное:

– Я не играю, Каиль. Мне подобные методы не требуются. Выметайся из супермаркета, иначе за тобой приеду уже я!

И я вымелась. Оставила тележку, и вышла, дрожащими руками пытаюсь не обронить телефон.

У Грэи автомобиль был насыщенного вишневого цвета с каким-то встроенным блеском покрытия, смотрелся потрясно и дорожке всех машин на стоянке разом. Вампирша вышла, открыла для меня дверцу и посмотрела так, что я поняла – она рада меня видеть. А еще я тоже была рада, очень.

– Продукты закуплены, ужин приготовлен, в квартире... эм... немного прибралась, – клыкасто улыбнулась Грэй.

Неловко спустившись по ступеням, я сказала просто:

– Спасибо.

– Мне было приятно позаботиться о вас, княгиня, – Грэй почтительно склонила голову.

– Каиль, – поправила я, – просто Каиль. Надеюсь я никогда больше не услышу обращения «княгиня».

– Это вряд ли, – Грэй помогла забраться в автомобиль, захлопнула дверцу. Обойдя машину, села за руль, и заводя мотор, пояснила, – для этого князю требуется вас убить, или усыпить. Зная князя, он пойдет на все, чтобы не причинить вам вреда, так что... Как минимум титул с вами до конца ваших дней, то есть надолго.

– Думаешь? – Грэя плавно вела автомобиль, и я и так засыпала на ходу, а тут еще и человек... в смысле вампир почти родной, так что я успешно проваливалась в сон.

– Уверена, – ответила вампирша, и потянувшись к заднему сиденью, достала мягкую подушку в виде медвежонка, протянула мне. – Я разбужу, когда приедем.

– Спасибо, – устраиваясь с подушкой, прошептала я.

И на этом вырубилась.

* * *

И если честно – мне врут все. Вообще все.

Даже Грэя. Потому что разбудила она меня не тогда, когда мы приехали, а когда на стол накрыла.

Сев на диване, который вообще был не моим, я сонно огляделась и представила себе картину того, как на вид вполне себе стройная Грэя затаскивает меня в подъезд на руках. Хотя кто ее знает, может через плечо перекинула и так понесла. С другой стороны – я ее знаю, и она бы через плечо перекидывать не стала, скорее взяла на ручки и отнесла как ребенка. Учитывая, что я проснулась обнимая подушко-медвежонка, второй вариант развития событий на порядок вероятнее.

– А где мой диван? – хрипло спросила я.

Пить хотелось адски.

– В хранилище, – мгновенно уведомила Грэя, – я не стала ничего выбрасывать, зная, что вы, люди, порой слишком привязаны к вещам, которые могут оказаться для вас связанными с важными людьми, событиями, моментами из жизни. Кстати, леди Малисент прислала вам два кактуса.

В недоумении оглядывая квартиру, в которой от моей квартиры не осталось походу даже стен, не говоря о мебели там, обоях и прочем, я узрела два кактуса... высотой до потолка.

– Дааа, такие даже Мали не сгрызет, – задумчиво протянула я.

– Сгрызет, – заверила Грэя, лишая меня подушки, – госпожа пристрастилась к кактусам после вашего совместного... времяпрепровождения. Несомненно, отныне ей не требуется придерживаться диеты, но к данным растениям у леди осталась определенная... склонность.

Ванную мне заменили целиком, вообще полностью. И даже всю косметику, гель для душа, и прочее Грэя заменила на то, чем я пользовалась в статусе княгини. И вот тут я не возражала, и волосы и кожа после вампирских средств были шикарны, волосы не нуждались в укладке, кожа в тоналке – удобно.

И от моей старой кухни тоже ничего не осталось. На эту тему я решила, что завтра повозражаю. И тут Грэя сказала:

– Меня, кстати, уволили. И леди Малисент мои услуги больше не требуются, так что я поживу у вас некоторое время. Как минимум, пока живота не будет видно.

Слегка окосев от ее уведомления о наглом подселении в мою жилплощадь, я как-то даже не сразу распробовала крем-суп, но, кажется, он был из тыквы, и раздраженно напомнила:

– Грэя, я не беременна!

– Вы – нет, – вампирша устроилась напротив, сев за стол с гранитным покрытием, – а вот я – да. Учитывая текущую ситуацию и тот факт, что князь Даркан ликвидировал всех наследников великих домов, мою беременность он прикажет прервать. Если узнает он... или ненаследный, но уже в процессе вступления в наследование князь Тэкрад.

Я ложку обронила.

– Если вы против, я могу вас немедленно покинуть! – торопливо высказалась Грэя.

– Я не против, я в шоке... Не носи меня больше! И тяжести не поднимай! И... витамины для беременных нужны. И... – так, на этом я выпала в прострацию.

Однако один момент меня все же реально беспокоил:

– Грэя, какова вероятность того, что Даркан прикажет прервать твою беременность?

Не глядя на меня, вампириша тихо ответила:

– Сто процентов.

Охренеть...

– Почему? – нервно спросила, даже не пытаясь снова взять ложку.

Все так же не глядя на меня, Грэя вообще тихо, так что с трудом слышно было, сообщила:

– По причине того, что я насильственно воспользовалась ненаследным князем Тэкрад.

Он княжеской крови, неприкосновенен. А я им... – взгляд на меня и почти покаянное, – воспользовалась.

– Да ладно! Вот сильно сомневаюсь, что он был против!

Грэя вновь уткнулась взглядом в тарелку, и произнесла:

– Был бы против – убил бы на месте. В смысле попытался бы... там же был князь, он бы не позволил.

Нормально так, Даркан – вуаерист. Вполне возможно вынужденный, но все же.

– Однако, – продолжила Грэя, – по нашим законам я обязана уведомить князя Тэкрад о своей беременности. Решение о рождении ребенка принимает отец. Учитывая обстоятельства, и мой поступок... От прерывания беременности меня может защитить только князь Даркан, если вы попросите его об этом. Тогда, возможно, у меня есть шанс. Маленький, но все же... шанс.

Среди сегодняшних заявлений, было одно от няни, которую вампирский младенец искушал до полусмерти. Такое было редкостью, в целом мало кто нанимал человеческих гувернанток для драгоценных вампирских детей, их всегда мало рождалось, и все же...

– Грэя, князь Тэкрад может отказать мне в разговоре напрямую? – собственно прямо и спросила я.

Заметно поразмыслив над этим, вампириша посмотрела на меня и ответила:

– Нет. Вам отказать он не посмеет. Вы – княгиня.

Черт, начинаю тихо радоваться этому факту.

– А когда ребенок родится? – просто учитывая, что рождаемость контролирует отец, у меня были подозрения, что и жизнь вампиреныша принадлежит отцу.

– Его заберут в дом Тэкрад, – едва слышно выговорила Грэя.

Взгляд она даже не поднимала.

– А если... вмешуюсь я? – осторожный вопрос.

Вампириша замерла, затем подняла голову, посмотрела на меня как на свет в окошке и прошептала:

– Вы – княгиня Даркан. Если вы потребуете отдать вам на воспитание княжича или княжну Тэкрад, учитывая текущее положение дел, вам не посмеют отказать.

– Так, все, называй меня княгиней, – сходу решила я.

Ну, подумаешь, погрызет меня мелкий вампиреныш, мелкие они вообще грызут все что ни попадя. Может ему кактусы понравятся, кто его знает.

– Кстати, кого ждем? – и я с энтузиазмом взялась за ложку.

Походу мне пора было набирать массу, чтобы кровососику было что грызть.

– Мальчика, – Грэя как-то особенно нежно с затаенной радостью улыбнулась. – Но я пока буду носить вашу одежду, временами, чтобы перебить запах... Простите.

– Без проблем! И если там тебе ночью ананасов захочется с селедкой – ты буди, не стесняйся. И никаких тяжестей! А на учет когда? И тебе же врач нужен?

Грэя потупилась.

– Не переживай, найдем кого-нибудь, у меня есть связи, – заверила ее.

Потом вспомнила, что знаю всего двух врачей – одного при мне прибил Навьен, вторая доктор Савадж, она сама кого хочешь прибьет. Но все же, хоть что-то...

– Сейчас, – я вскочила, сходила за телефоном.

Сторс ответил на третий гудок. Услышал от меня «Кровавого вечера», поднабралась я в Изнанке, и следом без перехода «А вы не подскажете номер телефона доктора Савадж».

Мне ответили благодарностью за столь оригинальное приветствие, и смской скинули номер.

Доктор Савадж ответила на вызов мгновенно, но лично у меня появилось желание оборвать звонок, едва я услышала зловещее:

– И комусссс житьсссс надоелосссс?

– Мне, – ответила с перепугу.

И меня тут же невероятным образом узнали.

– О, княгиня! Чем обязана? Как поживаете? Последние новости в вампирской сети видели? Вас обсуждают. Сижу вот, читаю. В принципе, учитывая, что я единственный доктор-вампир которого вы знаете, подозреваю, что причиной звонка является беременность. Кого ждем?

– Ммммалычика, – чертова доктор Савадж.

– Оу, – отреагировала вампириша которой овердофига лет. – Нужны рекомендации?

– Угу.

То чувство, когда слов особо никто не требует.

– Вода, много. Жажда будет почти постоянная. Я пришлю таблетки от тошноты. И нужные лекарства. И график приема. Так же потребуется усиленное питание. Я зарегистрирую вас в своем магазине, продукты вам будут доставлять ежедневно. Первый осмотр обычно через три месяца. Но если начнется кровотечение – звоните сразу, я приеду. Еще вопросы?

Вопросов не было, было осторожное:

– Сссспассибо.

– Проехали, – ответила док, и сбросила звонок.

Я положила телефон на стол и улыбнулась Грэе. По факту проблема была решена, надеюсь, Грээ от этого стало легче, мне... не уверена. Но сдыхать теперь точно нельзя, вообще никак.

– Как первый день на работе? – осторожно спросила беременная будущая мать.

– Зашибенно, – и я почти не солгала. – Охамевшие от безнаказанности вампиры, почти поверившие в то, что им все вообще можно, натыкались на меня как на гранитную статую, боялись даже клыки скалить и сваливали в закат.

– Так это понятно, – Грээ клыкасто улыбнулась, – о вашей безжалостности ходят легенды, пугающие порой больше, чем имя Даркана.

– Оу, – сказала я, и вернулась к супу.

Он вкусный оказался. А Грээ беременная. Надо же, даже не верится. Интересно, знает ли Даркан? Хотя он, наверное, знает. Он в принципе многое знает...

– Слушай, а где Навьен? – помешивая остатки супа в тарелке, тихо спросила я.

– На границе, – ответила Грээ, – но даже если вернется – ему запрещено приближаться к вам... Я сомневаюсь, что вы его еще хоть раз когда-либо увидите. И... мне жаль.

А мне вообще хоть вой.

– Вообще не увижу? А если меня срочно спасти придется? – я так, чисто варианты прикидывала.

Грээ помолчала, помешивая свой суп, затем тихо ответила:

– Князь больше не допустит подобной ошибки. Я предупреждала вас. Мне жаль.

На этом я закончила ужин. Встала, сходила, помыла свою тарелку, потом ушла в ванную комнату.

Стоя под струями воды запрокинув голову, старалась не думать... просто не думать. Вообще ни о чем не думать. Вроде даже получалось.

Звонок в четыре утра не порадовал от слова вообще. Но рингтон был из тех, на которые отвечаешь рефлекторно.

– Мэттланд, через сорок минут в участке. Оружие и бронежилет обязательны.

– Ясно, – и отрубила звонок.

Оделась за пару минут, на всякий случай захватила нож – его не вынесли даже при кардинальном ремонте. Просто обычно цветы никто не трогает, мой пластиковый кактус не тронули тоже, а нож с откидным лезвием был во втором дне.

Грзя настигла меня уже в момент выхода из квартиры, когда я дверь открывала.

– Княгиня, – сонно произнесла она, – вы... вы телефон забыли.

– Спецоперация, телефоны под запретом. Спи, – быстро ответила я, и вышла.

Сонный город еще и не думал просыпаться. К пяти начнут появляться первые люди на улицах, спешащие в булочные, обычно они первыми начинали процесс изготовления теста и прочего, потом возникнут дворники, начнут возвращаться со смены бармены и работники ночной сферы, а пока я была в одиночестве, полнейшем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.